

А что изменилось?

Спустя 30 лет чешское общество все еще расколото и голосует соответственно. Возрождение левых может дать надежду на будущее.

На первый взгляд парламентские выборы в Чехии в октябре имели положительный исход: предыдущий премьер-министр, медиамагнат и крупный предприниматель Андрей Бабиш, политическая энергия которого прежде всего была направлена на расширение собственной корпоративной империи, проиграл.

Но если взглянуть на результаты внимательнее, картина уже не столь оптимистична: перевес был минимальным, и это было связано не с тем, что часть электората Бабиша за него не проголосовала, а с мобилизацией сравнительно небольшого количества дополнительных голосов в поддержку оппозиционного лагеря. Ведь если голоса, отданные за пять партий, победивших Бабиша, сравнить с голосами за него, за правопопулистскую СПД и несколько других националистических протестных партий, которые не преодолели 5-процентного барьера, то формально проигравшие получили явное большинство. Против них сыграла их раздробленность.

*Против Бабиша сыграла
раздробленность его
лагеря*

Выборы еще раз демонстрируют, что чешское общество разделено на два лагеря. Может показаться, что это лагеря сторонников и противников Бабиша; соответственно выборы воспринимались как референдум о нем. Однако, согласно исследованию «Одно общество – разные жизненные миры», раскол гораздо более фундаментален, и Андрей Бабиш является скорее его символом, чем причиной. После выборов конфронтация может усилиться. И если не удастся выстроить мосты, то объединенные и полные сил побежденные, вероятно, вскоре вернуться.

Как возникли линии конфликта в чешском обществе? Самый

главный вопрос: удовлетворены ли люди развитием страны после 1989 года? Оптимисты приводят в качестве аргумента, в частности, обретение личных и гражданских свобод, в то же время практически игнорируя многочисленные социальные проблемы страны. С критиками все с точностью до наоборот, поскольку они так тяжело пережили социальные потрясения, начавшиеся в 1989 году, что по сравнению с ними все менее осязаемые свободы в их общей оценке ситуации отходят на второй план. Это также связано с тем, что многие достижения, такие как свобода путешествий или предпринимательство, незначительны для этих классов в связи с их экономическим положением.

Плохо, что такое неравенство было допущено политиками. Но еще хуже то, что эта линия конфликта оказывает огромное влияние на политику. Раскол в стране, выявленный по итогам выборов, сводится по сути к тем, кто победил и проиграл, когда рухнул железный занавес. И он до сих пор не осознан и не проработан. Теперь победившие силы представляют оптимистов и обещают им «возвращение к нормальной жизни», имея в виду времена сразу после Бархатной революции. В то время когда их представление об обществе – зловещая комбинация экономического неолиберализма и, в определенной степени, западного культурного либерализма – еще не встретило громкого протеста.

Победители просто не могут понять, что позиции проигравших 32 года назад могут быть сформированы совсем другим опытом периода трансформации

Теперь они не могут понять, откуда этот протест. Примечательно, что участники вышеупомянутого исследования, которых можно отнести к этому лагерю, придают большое значение информированности, когда речь идет о том, как можно противодействовать поляризации общества. Очевидно, они просто не могут понять, что позиции проигравших 32 года назад могут быть сформированы совсем другим опытом периода трансформации и что дело не просто в том, что им недостаточно хорошо объяснили, например, преимущества членства в ЕС – одну из конкретных спорных тем между лагерями.

Критики же воспринимают последние три десятилетия как сплошную потерю контроля – из-за разрушения достижений социального государства, которое было сильным до 1989 года, а также полного изменения требований к их менталитету и идентичности. Их высказывания показывают, что свобода, которую

празднуют одни, не является поводом для радости для других. В конечном счете многие позиции критиков проблематичны, и тем не менее они содержат значительную долю справедливой социальной критики. Но поскольку политики ее не замечают и не предлагают никаких адекватных решений, они делают свои собственные выводы и находят всяческих лжепророков – Бабиша с абсурдной риторикой против истеблишмента или националистов, выступающих против беженцев.

Не похоже, что победившие политические силы готовы к решению этого фундаментального конфликта – напротив, кажется, они ничего не осознали. Даже в ходе избирательной кампании против Бабиша мало что свидетельствовало о том, что они понимают, как можно действительно изменить мнение его избирателей; его неплохой результат подтвердил этот вывод. С националистическими силами серьезная борьба даже не ведется, их избиратели никому не интересны. Теперь победители на выборах начинают свою работу в правительстве с той же программой, которую разработали Бабиш и другие протестные партии, – политикой жесткой экономии, и сильнее всего, вероятно, она ударит по и без того социально и экономически ослабленным проигравшим, как это было после краха коммунизма. Лучше даже не представлять, какое разочарование и дальнейшая радикализация в этом спектре могут произойти в ближайшие годы. Вопреки многим успокаивающим заявлениям, сделанным после выборов, в Чехии не удалось остановить польские или венгерские тенденции, в смысле схожих доминирующих политических линий конфликта. Наоборот, они, возможно, только начинают укрепляться в новой констелляции: с одной стороны – (нео)либеральные победители, с другой – все более дерзко протестующие проигравшие. И никакой возможности компромисса не предвидится, поскольку обоим лагерям не хватает основы для понимания.

Такую основу в ближайшие месяцы и годы должны создать левые, это неизбежно. Они понесли потери, как и во многих других посткоммунистических странах, и в настоящее время вообще не представлены в чешском парламенте. Неслучайно в описанном конфликте левые не играют роли. Их самих слишком занесло в неолиберальном направлении. Это актуально для Западной Европы, но еще больше – для посткоммунистических стран, потому что коммунизм, существовавший там до 1989 года, серьезно сузил поле действий для более радикальной левой политики. Кроме того, подавляющее большинство формирующих общественное мнение элит, включая СМИ, являются праволиберальными. В самых безобидных социальных шагах они видят возвращение к

государственно-социалистическому тоталитаризму.

*Левые должны стать
голосом проигравших и
отважиться на
конфликт с
неолибералами*

Что нужно изменить сейчас? Левые должны стать голосом проигравших и отважиться на конфликт с неолибералами. Первый шаг тривиален, но в то же время чрезвычайно труден в чешской действительности, потому что ведущие победители пока ни разу не допускали настоящей дискуссии о посткоммунистическом периоде: необходимо открыто говорить о том, что проигравшие вообще существуют и их гнев справедлив. Что они не просто пострадали от перемен, а их еще и давно игнорируют, неправильно понимают или даже презируют. Левые должны выступить за преодоление несправедливости и создать позитивный нарратив о будущем, который избавит эти слои населения от оправданных опасений относительно дальнейших перемен в сегодняшнее беспокойное время. В противном случае выиграют авторитарные, популистские и националистические силы, которые до сих пор удовлетворяли потребность в представительстве и уважении. Будет очень непросто, но недавние успехи СДПГ в Восточной Германии показывают, что в конечном итоге это единственный перспективный путь. Ведь там ситуация очень похожа на происходящее в других посткоммунистических странах.

Катерина Смейкалова

Прага

Катерина Смейкалова (Katerina Smejkalova) – научная сотрудница

Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Праге и внештатная
советница министра по социальным вопросам и труду Чехии.

